

Кодекс Хранителя

Виктор Безматерный

Виктор Безматерный
Кодекс Хранителя

«Автор»

2026

Безматерний В.

Кодекс Хранителя / В. Безматерний — «Автор», 2026

Для Анны Волковой, юриста с ледяным разумом, закон был единственной константой в мире хаоса. Но один миг в ванной оборвал её жизнь в бетонных джунглях и швырнул в тело семнадцатилетней ведьмы Влады. Её новый мир пах сырой землёй, травами и первородной магией, а реальность здесь трещала по швам, выпуская из-за грани голодную тьму. Её учителями стали циничный кот-фамильяр, видящий людей насквозь, и суетливый домовый, для которого порядок в доме был важнее конца света. Чтобы выжить, железной воле юриста пришлось укротить дикий дар юного тела. Она училась не разрушать, а направлять — быть не плотиной, а гибкой трубой для колоссального давления магии, спасая свой рубеж от шептунов и клобуков.

© Безматерний В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Виктор Безматерний	5
Глава	6
Глава	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Виктор Безматерний Кодекс Хранителя

Виктор Безматерний

Глава

Глава 1

Понедельник — это не день недели, это диагноз. Особенно когда ты просыпаешься за секунду до того, как мерзкая электронная трель должна разорвать тишину спальни. Мой мозг, натренированный годами судебных заседаний и дедлайнов, сработал на опережение. Маленькая победа. Первая из немногих, которые мне предстояло одержать сегодня, чтобы просто дожить до вечера.

Я лежала, уставившись в бежевый потолок. Нейтральный цвет. Идеальный для офиса, но слишком скучный для места, где человек должен отдыхать. Впрочем, отдых в моей жизни давно стал роскошью. Я, Анна Сергеевна Волкова, тридцать пять лет, старший партнер юридической фирмы «Вектор», привыкла ценить время. Каждая минута моего утра была расписана по секундам, как регламент судебного заседания.

«Анна, вставай», — мысленно приказала я себе тоном, которым обычно распекала младших юристов за опечатки в исках. Жалость к себе — это непрофессионально. Если дать слабину сейчас, можно провалиться до полудня, а потом судорожно собираться, глотая холодный кофе и рискуя размазать тушь. Нет. Так дело не пойдет. Опоздание — это признание поражения еще до начала битвы.

Скинув теплое одеяло, я поморщилась от прикосновения холодного воздуха. Квартира ещё не успела прогреться после ночи. Октябрь в Москве решил ударить первыми заморозками прямо в лицо, и центральное отопление, как всегда, запаздывало. Босые ноги коснулись ламината. По привычке пошарив ступней в поисках тапочек и не найдя их сразу, я тихо чертыхнулась. Мелкие бытовые неудачи раздражали меня больше всего. Они были той самой соломинкой, которая ломала спину верблюда моего терпения перед началом рабочего дня.

Кофе. Первым делом нужен кофе. Настоящий, черный, густой, сваренный в медной турке, которую я привезла из Стамбула. Никакой офисной бурды из автомата или растворимой пыли из пакетика «три-в-одном». На кухне царил идеальный порядок — следствие моей маниакальной привычки всё класть на свои места. Чашка из тонкого фарфора, купленная мной на блошином рынке в Праге (отпуск, который я провела с ноутбуком в номере отеля), ждала своего часа. Зерна в кофемолке отозвались глухим урчанием, перемалываясь в пыль. Запах свежемолотого кофе — лучший легальный антидепрессант, известный человечеству. Он пахнет деньгами, успехом и тотальным контролем над ситуацией.

Пока варился напиток, я включила планшет. Десять пропущенных сообщений в рабочем чате. Три письма от клиентов. Один срочный запрос на правовую экспертизу договора купли-продажи акций. Стандартная рутинная жизнь большого города, сжатая в пиксели экрана.

Сделав первый обжигающий глоток эспрессо, я почувствовала, как мир начинает приобретать более четкие очертания. Сегодняшний вечер был забронирован под встречу с друзьями. Мы собирались раз в месяц, чтобы напомнить друг другу, что мы всё ещё живые люди, а не просто функции в сложной системе юридических алгоритмов. Обычно местом встречи служил бар «У Петровича» недалеко от Тверской. Там подавали отличные стейки и делали вид, что понимают разницу между односолодовым виски и бурбоном.

— Ты опять выглядишь так, будто собираешься идти не пить пиво с нами, а допрашивать свидетеля, — скажет мне Лёха, наш штатный IT-гуру, увидев меня.

И он будет прав. Мой стиль одежды — это броня. Темно-синий брючный костюм от Armani, белая рубашка, волосы собраны в тугий, безупречный пучок на затылке. Никаких локонов, никаких ярких цветов. Строгость линий должна отражать ясность мысли. Клиент должен видеть перед собой не женщину тридцати пяти лет с её проблемами и мечтами, а профессионала. Женщину они видят сами, интерпретируя её через призму своих комплексов, а вот юриста должны бояться и уважать.

Телефон завибрировал на столешнице, прерывая мои размышления. Экран высветил имя клиента. Господин Савельев. Тот самый, чей договор я только что видела в почте.

— Да, Кирилл Андреевич, доброе утро, — ответила я, нажимая кнопку приема вызова и ставя чашку на стол. Голос мой звучал ровно, профессионально-безразлично, словно у автоответчика Верховного суда. — Слушаю вас.

— Анна Сергеевна! — голос в трубке был полон паники. Так кричат люди, которые внезапно осознали, что стоят на краю финансовой пропасти, а земля под ногами осыпается мелкими камнями. — У нас катастрофа!

— Спокойно, Кирилл Андреевич. Катастрофы случаются в космосе при столкновении галактик или при падении метеорита на Землю. У нас же, судя по всему, юридическая коллизия. Давайте по пунктам. Что именно произошло? Без эмоций, факты.

— Партнёр! Этот мерзавец... — клиент захлебнулся воздухом. — Он вывел активы! Переписал свою долю на офшор вчера вечером! Сделка прошла регистрацию, я только что получил выписку из реестра!

Я прикрыла глаза. Классика жанра. Бизнес-партнёры — это как супруги, только развод обходится дороже, а раздел имущества происходит не в суде по семейным делам, а в арбитражном, где ставки куда выше, чем разбитое сердце.

— Вы читали устав? — сухо спросила я, открывая ноутбук и вводя пароль. Монитор засветился холодным светом операционной. — Есть ли там запрет на отчуждение долей третьим лицам без согласия остальных участников?

— Конечно есть! Но он... он нашёл лазейку! Какую-то схему с залогом и последующим обращением взыскания! Я ничего не понимаю в этих бумажках!

— Естественно, не понимаете, — пробормотала я себе под нос, быстро сканируя глазами текст договора, который открылся на экране. — Если бы понимали, пришли бы ко мне неделю назад, когда я предлагала провести аудит всех правоустанавливающих документов и прописать пресекательные меры.

Вслух же я сказала:

— Кирилл Андреевич, прекратите истерику. Ваш партнёр совершил классическую ошибку новичка: он сделал это слишком поздно и слишком грубо. Для подобных схем нужно готовить почву месяцами, создавая фиктивную задолженность, а он провернул фокус за сутки. Это оставляет следы. И эти следы ведут к нам. Сейчас я смотрю ваш устав и протоколы собраний. Сидите на месте. Ничего не подписывайте, никому не звоните. Я выезжаю к вам через двадцать минут. Возьмите все оригиналы документов, которые у вас есть. Всё. Ждите.

Я сбросила вызов, не дожидаясь ответа. Время пошло. Теперь каждая минута была на вес золота, потому что оппоненты тоже не дремлют. Нужно успеть наложить обеспечительные меры через суд, заблокировать движение средств по счетам, подать иск о признании сделки недействительной и ходатайство о принятии предварительных мер защиты. Война началась, и

я любила эту войну. Здесь всё решал ум, логика и знание законов, а не эмоции и связи. Хотя связи, конечно, помогали ускорить бюрократические шестеренки.

Быстро приняв душ, я надела свежую рубашку и тот самый темно-синий костюм. Взгляд в зеркало в прихожей. Оттуда на меня смотрела женщина с усталыми серыми глазами. Под ними залегли тени — наследство от десятков бессонных ночей, проведенных над кодексами и судебными прецедентами. Красота никогда не была моим приоритетом, инвестиции делались в интеллект и репутацию, но сейчас я выглядела даже лучше, чем могла бы. Холодная, собранная акула юриспруденции. Идеальная маска.

Дорога до офиса господина Савельева заняла сорок три минуты вместо обещанных двадцати. Московские пробки — это живой организм, пожирающий время, деньги и остатки хорошего настроения. Я использовала это время с пользой: изучила выписки из реестров, нашла нужную статью закона (ст. 10 ГК РФ — злоупотребление правом) и набросала черновик искового заявления в голове. Когда машина наконец затормозила у нужного бизнес-центра, я была готова к бою.

Встреча прошла как по нотам. Два часа жестких переговоров, звонков нотариусам, угроз обращения в полицию по экономическим преступлениям (чистый блеф, но очень убедительный) и один виртуозный ход с упоминанием «очень специфических интересов» одного высокопоставленного чиновника, которому якобы задолжал партнер Савельева. К концу нашей беседы клиент смотрел на меня с почти религиозным трепетом. Договор был заморожен судебным определением, сделка повисла в воздухе, превратившись в токсичный актив. Победа. Маленькая, тактическая победа в большой войне за контроль над компанией.

Вечером, выжитая досуха, я приехала домой. Сил хватило только на то, чтобы скинуть туфли на шпильке от Manolo Blahnik, которые немилосердно натерли правую ногу, и повесить пиджак на спинку стула в прихожей. Встреча с друзьями отменялась. Я отправила короткое сообщение в общий чат: *«Девочки, простите, я труп. Завтра сдаю проект, голова не варит совсем. В следующий раз обязательно*».

Ответы пришли мгновенно: смайлики-поцелуйчики, эмодзи с кофейной чашкой и слова поддержки. Друзья знали цену моего успеха. Они прощали мне эти внезапные отмены, зная, что завтра я снова буду сиять, решать чужие проблемы и выглядеть безупречно. Они принимали меня такой, какая я есть — железной леди с золотым сердцем, которое редко находилось времени открыть.

Оставшись одна в гулкой тишине квартиры, я поняла, что не могу находиться в одежде ни секунды дольше. Костюм казался мне тюремной робой, сковавшей движения. Мне нужна была вода. Много воды. Очищение. Полное и абсолютное.

Я направилась в ванную комнату. Это было мое святилище, место, где я позволяла себе быть уязвимой. Здесь не было деловых костюмов и масок. Только белый итальянский мрамор, хром и пар, скрывающий слезы усталости, если им вдруг вздумалось бы появиться.

Щелчок выключателя озарил помещение мягким светом встроенных диодов. Я открыла воду, выкрутив кран на максимум. Ванна начала наполняться, издавая утробное, успокаивающее бульканье. Порывшись на стеклянной полке, заставленной баночками, я выбрала соль для ванны с ароматом лаванды и эвкалипта. Капнула несколько капель эфирного масла бергамота. Комната начала медленно заполняться густым, пряным паром, отрезая меня от внешнего мира.

Медленно, словно совершая некий ритуал перехода из одной реальности в другую, я начала раздеваться. Сначала сняла украшения — маленькие серьги-гвоздики с бриллиантами и платиновые часы Cartier. Расстегнула пуговицы на манжетах рубашки. Шелк скользнул по коже, оставляя ощущение прохлады. Бюстгальтер полетел на корзину для белья. Оставшись в одном белье, я подошла к зеркалу над раковиной.

Отражение не радовало. Напряжение дня застыло в складке между бровями. Губы были плотно сжаты в тонкую линию. Я выглядела старше своих тридцати пяти. Женщина, несущая на плечах груз ответственности за судьбы корпораций и миллионы рублей, не может позволить себе легкомысленную улыбку. Её удел — сталь и лед.

Стянув остатки одежды, я перешагнула бортик ванной и погрузилась в горячую воду. Обжигающее тепло окутало тело, заставляя сведенные мышцы спины расслабиться со сладким стоном. Я закрыла глаза и откинула голову на мягкий подголовник. Шум льющейся воды стал единственным звуком в мире. Пар оседал на ресницах, дышать становилось тяжелее, но это было приятное, очищающее удушье.

Мысли текли лениво, отрывочно. Завтра в девять утра совещание по слиянию компаний. Потом встреча с клиентом N по вопросу интеллектуальной собственности. Затем нужно подготовить отзыв на апелляцию по делу завода... Нет. Хватит. Я силой воли остановила этот внутренний монолог. Юрист Анна Сергеевна Волкова должна была уйти вместе с костюмом в шкаф. Сейчас здесь была просто Аня. Уставшая женщина, которой отчаянно хотелось тишины.

Я протянула руку и взяла с бортика бокал из тонкого стекла, в котором плескалось немного сухого красного вина. Первый глоток прокатился по горлу, согревая изнутри. Алкоголь смешивался с паром, создавая легкий туман в голове. Мир становился мягче, грани реальности сглаживались.

Вода плескалась у подбородка. Я вытянулась, позволяя жидкости поддерживать моё тело. Мышцы поясницы, сведенные судорогой от долгого сидения за столом, начали отпускать. Боль уходила, сменяясь ватной, приятной усталостью. Я чувствовала, как уходит суэта мегаполиса, как отступают прочь стресс, дедлайны и юридические формулировки. Осталось только биение сердца и звук льющейся воды.

Глаза закрывались сами собой. Горячий пар действовал как снотворное. Я позволила сознанию уплыть, раствориться в этой белоснежной керамической капсуле. Это было блаженство. Абсолютная пустота. Ни прошлого, ни будущего. Только здесь и сейчас. Тепло. Тишина. Безопасность.

Я добавила в ванну ещё горячей воды, наслаждаясь тем, как уровень поднимается, обнимая плечи. Кожа на кончиках пальцев уже сморщилась, но выходить совершенно не хотелось. Это состояние невесомости, когда тебя держит тёплая стихия, было лучшим лекарством от профессионального выгорания. Я сделала ещё один маленький глоток вина. Оно было терпким, с нотками черной смородины и дуба. Идеально.

Пар становился гуще, превращая контуры предметов в размытые пятна. Кафельная плитка на стенах запотела. Я провела мокрым пальцем по стене, рисуя бессмысленные узоры. В этом замкнутом пространстве, наполненном влагой и теплом, казалось, что весь остальной мир

с его войнами акционеров, бракоразводными процессами миллионеров и бесконечной бумажной волокитой просто перестал существовать. Не было ни побед, ни поражений. Была только эта тишина и ровный шум воды, наполняющей чашу ванны.

Мышцы окончательно расслабились, тяжесть в ногах ушла. Я положила свободную руку на живот и глубоко вздохнула, ощущая, как горячий влажный воздух заполняет лёгкие до самого дна. Сердцебиение замедлилось, подстраиваясь под ритм капающей из крана воды. Медитация. Вот как это называлось. То, чего я никогда не могла добиться сидя на коврик для йоги, происходило само собой здесь, в облаке пара.

Мысли стали вязкими, тягучими. Они больше не касались работы. Перед внутренним взором поплыли картинки прошедшего лета: дача, запах свежескошенной травы, вкус холодной дыни. Воспоминания были яркими, но далекими, словно кадры из фильма чужой жизни. Реальностью была лишь горячая вода, снимающая напряжение с каждой клеточки тела.

Я оставила пустой бокал на край ванны. Допила вино до последней капли. Хмель приятно кружил голову, делая реальность чуть более мягкой и дружелюбной. Я закрыла глаза и полностью погрузилась в воду с головой, задерживая дыхание. Глухая, звенящая тишина под водой была похожа на вакуум. Ни звука. Лишь пульсация крови в висках. Это было похоже на возвращение в материнскую утробу — абсолютная безопасность и покой.

Вынырнув, я жадно вдохнула влажный, ароматный воздух. Капли стекали по лицу, щекоча кожу. Я стерла их ладонью и посмотрела на свое размытое отражение в запотевшем зеркале. Просто силуэт. Просто женщина. Без должностей, регалий и строгого пучка на голове. Просто Аня.

Время потеряло свой смысл. Сколько я уже здесь? Пятнадцать минут? Сорок? Неважно. Вода всё ещё была обжигающе горячей, и это главное. Я лениво потянулась за мочалкой, выдавила на неё гель для душа с запахом миндаля. Белая пена облаком поднялась над поверхностью воды, источая сладкий, уютный аромат. Я начала медленно намывать руки, затем плечи, шею. Процедура была механической, но приносившей физическое удовольствие. Смыть с себя не только городскую пыль, но и невидимую грязь чужих проблем, которые липли ко мне за день, было настоящим катарсисом.

Закончив, я снова откинулась на спину, закинув руки за голову и положив их на прохладный кафельный бортик. Кондиционирование воздуха в квартире работало исправно, и контраст между жаром воды и прохладой комнаты бодрил. Я чувствовала себя чистой. Не только снаружи, но и внутри. Словно вся шелуха тяжелого дня смылась вместе с пеной.

Ещё немного. Ещё десять минут этого рая, и я вылезу. Завернусь в огромный махровый халат, сделаю себе травяной чай и лягу спать. Может быть, даже почитаю полчаса перед сном, хотя глаза уже слипались. Сон обещал быть глубоким и безмятежным, награда за успешный бой в начале недели.

Я лениво поболтала ногой в воде, разгоняя остывающую массу и перемешивая её с горячей, поступающей из крана. Блаженная усталость сковала конечности. Выходить отсюда в холодную спальню совершенно не хотелось. Казалось, стоит покинуть этот кокон тепла, как магия исчезнет, и суровая реальность понедельника вернется во всей своей красе.

Но тело требовало отдыха, и сопротивляться ему не было сил. Я медленно села, разбрызгивая воду, и потянулась за полотенцем. Кожу тут же обдало прохладой, вызывая волну мурашек. Я энергично растерлась большим белым полотном, возвращая телу чувствительность. Накинула тяжелый, теплый халат прямо на голое тело и завязала пояс плотным узлом. Сразу стало уютно.

Выключив свет в ванной, я вышла в коридор, оставляя за собой шлейф ароматов лаванды и миндаля. Прохладный паркет приятно охлаждал босые ступни. Я щелкнула выключателем в спальне, погружая комнату в мягкий полумрак ночника. Забралась под одеяло, свернувшись калачиком, и закрыла глаза.

Тишина квартиры обволакивала. Где-то далеко за окном шумел ночной город, но здесь был мой остров спокойствия. День закончился. Проблемы клиента Савельева остались в офисе. Завтра будет новый день, новые вызовы и новая битва. А сейчас... сейчас было только тепло чистого постельного белья и приятная тяжесть в мышцах.

Я подтянула колени к груди и провалилась в глубокий сон без сновидений, успев подумать лишь о том, какой же всё-таки длинный выдался понедельник.

Глава

Глава 2

Пробуждение было медленным, тягучим, словно я выныривала из густого киселя. В первые мгновения сознание цеплялось за обрывки сна — что-то про бесконечные стопки документов и пронзительный писк факса. Но реальность, в которую я возвращалась, была неправильной. Абсолютно, катастрофически неправильной.

Я лежала неподвижно, не открывая глаз, пытаюсь сориентироваться по ощущениям. Первое, что выбило меня из колеи еще до того, как я осознала это умом, — тишина. Не было привычного фонового гула мегаполиса: далекого рева моторов, завывания сирен, приглушенного бубнежа телевизора у соседей. Вместо этого стояла оглушающая, ватная тишина, нарушаемая лишь какими-то странными, чужеродными звуками.

Затем пришло ощущение тела. Это было не мое тело. Оно казалось легким, почти невесомым, лишенным привычной тяжести тридцати пяти лет жизни, пары лишних килограммов от сидячей работы и хронической усталости в мышцах. Суставы не ныли, спина не отзывалась тупой болью. Я чувствовала себя... молодой. Эта мысль должна была бы принести радость, но вместо неё ледяной волной накатила первобытный ужас.

Я заставила себя открыть глаза.

Первое, что я увидела, был потолок. И он не имел ничего общего с идеально ровной белой поверхностью моей спальни или бежевой краской съемной квартиры времен студенчества. Прямо над моим лицом нависали массивные темные балки из грубо обработанного дерева. Потолок был низким, собранным из широких досок, местами потемневших от времени. Между ними виднелись щели, из которых торчали клочья чего-то похожего на сухой мох или паклю. Вся эта конструкция выглядела так, будто её сколотили пару веков назад и с тех пор ни разу не ремонтировали. Это был кадр из старого исторического фильма, декорация к сказке, но никак не элемент жилого помещения в современном мире.

Мозг юриста, привыкший оперировать фактами, мгновенно включился в работу, пытаюсь найти логическое объяснение. *Галлюцинация? Похоже на то. Может, газ? Нет, запаха нет. Инсульт? Возможно, но зрение слишком четкое для предсмертного бреда.* Паника нарастала, сжимая горло стальным обручем. Я резко села на кровати.

Мир вокруг поплыл. Комната закружилась каруселью. Чтобы остановить тошноту, я схватилась за голову руками, которые мне не принадлежали. Тонкие запястья, гладкая кожа без единого шрама или мозоли. Я лихорадочно ощупала свое лицо. Высокие скулы, острый подбородок. Тело семнадцатилетней девчонки. Чужое тело.

— Ох ты ж батюшки! Проснулась-таки! — раздался рядом звонкий, скрипучий голосок, полный неподдельного облегчения.

Я замерла, боясь пошевелиться. Голос не мог принадлежать человеку. Он был слишком высоким, слишком... игрушечным. Медленно повернув голову, я посмотрела вниз, на край кровати.

Там стояло существо размером с ладонь взрослого мужчины. Оно напоминало человечка, одетого в нечто вроде старомодного кафтанчика болотного цвета и маленькие сапожки с загнутыми вверх носами. Лицо у него было морщинистое, бородатое, а на переносице сидели крошечные круглые очки, чудом державшиеся на огромном мясистом носу. Существо смотрело на меня снизу вверх с выражением крайнего любопытства и беспокойства, теребя в руках миниатюрную метелочку из перьев.

Домовой. Настоящий, мать его, домовый.

Мой разум тридцатипятилетней женщины-юриста, верящей только в силу закона и презумпцию невиновности, столкнулся с этим абсурдом и дал сбой. Этого не могло быть. Домовых не существует. Говорящих котов-философов не бывает. Я сошла с ума. Других вариантов нет.

Но воздух, который я судорожно втягивала ртом, пах странно — травами, пылью и чем-то древним, затхлым. Деревянный пол под босыми ногами (когда я успела их свесить?) был шершавым и настоящим. Страх, сжимающий грудь, был самым реальным чувством в моей жизни.

Рядом снова послышалось движение, сопровождаемое мягким шлепком лап по дереву. Огромная пушистая морда возникла прямо перед моим лицом, отделенная от меня всего несколькими сантиметрами. Два огромных янтарных глаза внимательно изучали меня, наклонившись набок. Кот. Невероятно огромный дымчато-серый кот с ухоженной шерстью и взглядом, полным такой древней мудрости, что становилось жутко. Его взгляд был осмысленнее, чем у половины моих клиентов.

Он издал низкое, раскатистое мурчание, похожее на работу мощного дизельного двигателя, и ткнулся влажным носом мне в плечо, словно пытаюсь успокоить.

Это стало последней каплей. Стена моего самообладания, выстроенная годами судебных тяжб, рухнула. Я отшатнулась, прижавшись спиной к резному изголовью кровати, и закрыла рот рукой, чтобы сдерживать рвущийся наружу крик. Крик, который должен был превратиться в истерический смех или вой.

Этого нет. Этого просто не может быть. Я Анна Волкова. У меня встреча в девять. У меня иск к Савельеву. Я живу в Москве. Я...

Маленький человечек всплеснул ручками:

— Хозяйка, ты чего? Ты это... не плачь! Мы поможем! Мы разберемся!

Его слова звучали искренне, но они были солью на открытую рану моего рассудка. «Хозяйка». «Мы».

Кот, которого я мысленно уже окрестила Филипом за его царственную осанку, перестал мурчать. Он внимательно изучал меня ещё несколько секунд своим немигающим янтарным взглядом, словно сканируя мою душу. Затем он величественно слез с моих колен, спрыгнул на пол и направился к двери, коротко мяукнув через плечо. Приглашение следовать за ним.

Домовой засеменял следом, постоянно оглядываясь на меня.

Я осталась сидеть на кровати, дрожащая, голая и совершенно потерянная в мире, который не подчинялся законам логики. Моя старая жизнь закончилась вчера вечером в клубах пара над ванной. Новая начиналась здесь, в холодной комнате чужого дома, в компании говорящего кота и маленького волшебного существа.

Паника начала отступать, уступая место чему-то другому. Холодной, профессиональной ярости. Если это не бред, если это реальность... значит, есть причина. Значит, есть виновные. И я найду их. Мой мозг юриста, натренированный находить выход из самых безнадежных ситуаций, переключился в режим анализа.

Во-первых, нужно собрать информацию. Во-вторых, оценить обстановку. В-третьих, составить план действий. Стандартный протокол.

Я сделала глубокий вдох. Воздух этого мира пах странно — травами, пылью и магией, существование которой я всегда отрицала. Я подняла взгляд на Филипа. Кот спокойно выдержал его, продолжая стоять у двери.

— Кто... — мой новый, высокий голос сорвался. Я прокашлялась. Звук получился чужим, незнакомым. — Кто такая Влада? И почему я в её теле?

Филип перестал смотреть на дверь и перевел взгляд своих мудрых глаз на меня. Он медленно моргнул, один раз. Словно принимая какое-то решение. После этого он развернулся всем телом и уверенно двинулся прочь из комнаты, явно ожидая, что мы пойдем за ним.

Домовой остановился в дверном проеме и нетерпеливо пританцовывал на месте.

— Ну же, хозяйка! Филип знает путь! Надо спуститься в кухню, там теплее, и я заварю тебе успокаивающего отвара! А то ты бледная какая-то, краше в гроб кладут.

Успокаивающий отвар от домового. Звучит как начало самой безумной истории в моей жизни.

Собрав остатки воли в кулак, я откинула тяжелое одеяло. Простыни были льняными, грубыми на ощупь. Я встала на ноги. Мир снова качнулся, но на этот раз я удержала равновесие. Мышцы слушались, хотя казались непривычно легкими. Сделав пару неуверенных шагов, я поняла, что координация в порядке. Просто центр тяжести другой.

Комната, в которой я оказалась, была небольшой, но очень уютной в своей средневековой простоте. Массивный деревянный шкаф, стол со стулом, на котором небрежно брошено платье из плотной ткани. На полу — вязаный коврик. Узкое окно, забранное мутным стеклом, пропускало тусклый серый свет пасмурного дня. Никаких проводов, никаких розеток, никакой техники. Только дерево, камень и ткань.

В углу стоял сундук. Я подошла к нему, двигаясь осторожно, как по тонкому льду. Откинула крышку. Внутри лежала одежда: несколько платьев простого кроя, нижние рубашки, чулки. Всё ручной работы, добротное. Ни намек на джинсы или футболку. Я взяла одно из платьев — темно-зеленое, из шерсти. Ткань была колючей, но чистой.

Одеваться пришлось вслепую, борясь с непривычным фасоном. Никакой молнии или пуговиц спереди, всё завязывалось сзади на талии и плечах с помощью тесемок. Провозившись минут пять, я наконец справилась. Платье село мешковато, скрывая фигуру, которая, судя по отражению в маленьком зеркальце на стене, была стройной и юной. Я попыталась распустить волосы, собранные во вчерашний пучок, но пальцы путались в длинных, спутанных прядях. Чертыхнувшись, я просто провела по ним пятерней, кое-как пригладив.

Теперь я выглядела более-менее прилично. Как крестьянка из исторического сериала. Или как жертва костюмированной вечеринки, которая пошла не по плану.

Я вышла из комнаты вслед за своими новыми знакомцами. Коридор был темным, освещенным лишь редкими свечами, вставленными в настенные подсвечники. Пахло сыростью, воском и сухими травами. Мы спустились по узкой деревянной лестнице, каждая ступенька которой жалобно скрипела под моими ногами.

Кухня оказалась просторным помещением с огромным очагом, занимавшим половину стены. Над огнем висел чугунный котел, в котором что-то булькало. Посередине стоял массивный стол из толстых досок, окруженный скамьями. Пол был земляным, плотно утопанным, но чистым.

Филип запрыгнул на широкую лавку у стола и принялся методично вылизывать лапу, полностью игнорируя суету домашнего. Тот же, напротив, развел бурную деятельность. Маленькими, но удивительно быстрыми движениями он подбросил дров в огонь, снял с полки глиняный горшочек, насыпал туда каких-то сушеных листьев из холщового мешочка и залил кипятком из чайника, висевшего тут же, у очага.

Всё происходящее казалось сюрреалистичным сном. Я прислонилась плечом к дверному косяку, наблюдая за этой сценой. Адреналин схлынул, оставив после себя звенящую пустоту и свинцовую усталость.

Домовой поставил передо мной дымящуюся чашку без ручки.

— Вот, пей, — деловито сказал он. — Мелисса, мята да три капли валерианы. Поможет прийти в себя. Семь дней пластом лежала, седьмой день пошел. Мы уж думали, не очнется наша Владочка.

Владочка. Имя ударило меня под дых, подтверждая худшие опасения. Меня зовут Анна. Анна Сергеевна Волкова. Я юрист. Я...

Осознание ударило меня сильнее, чем ледяная вода. Я посмотрела на свои руки, теперь скрытые рукавами платья. Тонкие запястья, гладкая кожа. Я ощупала своё лицо под волосами. Высокие скулы, острый подбородок. Это было чужое тело. Молодое, юное тело девушки-подростка по имени Влада.

Этого не может быть.

Я умерла? Или уснула? Что произошло в моей ванной?!

Паника вернулась с удвоенной силой, грозя перерасти в полноценную истерику. Я сжала пальцами чашку так сильно, что побелели костяшки. Горячая керамика обожгла кожу, возвращая меня в чувство.

Кот, которого назвали Филипом, перестал вылизываться. Он посмотрел мне прямо в глаза поверх своей лапы, и в глубине его янтарных зрачков я увидела не звериный интеллект, а глубокую, древнюю мудрость. Он знал. Он понял всё в ту же секунду, как увидел меня. Он видел разницу между душой семнадцатилетней девочки и закаленным духом взрослой женщины.

Домовой всплеснул ручками:

— Ох, беда-то какая! Хозяйка, ты чего? Ты это... не плачь! Мы поможем! Мы разберемся!

Но я не плакала. Слезы высохли, не успев пролиться. Внутри меня, под слоем первобытного ужаса, росла другая эмоция. Та самая, что помогала мне выигрывать дела, когда против меня выступал весь юридический департамент транснациональной корпорации. Холодная, профессиональная ярость. Логика. Анализ.

Если это не бред, если это реальность... значит, есть причина. Значит, есть правила игры. И я их выясню.

Я оставила чашку с отваром. Руки больше не дрожали.

— Хорошо, — мой голос прозвучал хрипло, но твердо. — Давайте разбираться. Для начала мне нужны факты. Вы сказали «семь дней». Где я нахожусь? Какой сейчас год? И кто такая Влада?

Филип грациозно спрыгнул с лавки, подошел ко мне и потерся головой о мои колени, громко урча. Этот жест был настолько человеческим в своей попытке утешить, что я машинально опустила руку и запустила пальцы в его густой мех. Шерсть была невероятно мягкой и теплой.

Домовой поправил очки на носу и важно кивнул.

— Так это... в доме нашем находимся. В родовом гнезде. Год сейчас одна тысяча восемьсот... — он вдруг замаялся и почесал затылок. — Ой, прости, старая моя голова! Запомнил. Давай-ка лучше по порядку. Садись, садись за стол. История долгая будет.

Я послушно опустилась на лавку. Дерево было гладким, отполированным тысячами прикосновений. Я сидела посреди кухни из прошлого, гладила говорящего кота и готовилась слушать историю от домового. Если бы мне рассказали такое вчера, я бы вызвала санитаров. Сегодня... сегодня я просто приняла новую реальность. Потому что выбора у меня не было.

Я подняла взгляд на Филипа. Кот смотрел на меня с пониманием. Он ждал. Ждал, когда я буду готова услышать правду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.